

Класс "Л". Время новых

Артём Никифоров

Артём Никифоров
Класс "Л". Время новых
Серия «История класса "Л"», книга 4

<https://litres.ru/74085679>

SelfPub; 2026

Аннотация

Прошло двенадцать лет. Марк и Алиса вырастили двойняшек — Лену и Бруно. Школа, где когда-то гремели песни 9«Л» и гремели битвы 10«Л», снова открывает двери для нового поколения. Теперь уже для их детей.

Но тишина после бури оказалась обманчивой. Кирилл, тот самый монстр из подвала, сбегает из психиатрической клиники. Он идёт к тем, кто его посадил — к Марку, к Глебу, к Диане, к каждому, кто выжил в той войне.

Старые герои собираются вместе в последний раз. Без школы, без турниров, без песен. Теперь на кону жизни их детей и их собственная свобода. Им придётся встретиться с прошлым лицом к лицу в том самом месте, где всё началось. Там, где стены помнят кровь. Там, где они когда-то думали, что победили.

Четвёртая книга завершает историю класса «Л». Это финал. Прощание. И обещание, что даже после самого страшного можно начать новую жизнь. Если останешься жив. И если рядом есть те, кто не даст упасть.

Содержание

Предисловие	4
Глава 1. Выпускной	5
Глава 2. Роковое событие	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Класс "Л". Время новых

Предисловие

Если бы мне десять лет назад сказали, что я буду писать предисловие к четвёртой книге, я бы не поверил.

Четвёртая книга — это не продолжение. Это другая история. Она про тех, кто идёт дальше. Про тех, кто смотрит вперёд, даже когда страшно оглядываться назад. Про тех, кто ещё не знает, что такое настоящая боль, но скоро узнает. Про тех, кто будет ошибаться, падать, вставать и идти снова. Как когда-то мы.

Я переживал всё это тяжело. Труднее, чем все предыдущие приключения. Потому что когда ты дерёшься за себя — это одно. Когда ты дерёшься за тех, кто дороже тебя, за тех, кто смотрит на тебя и верит, — это другое. Это страшнее. И важнее.

Время не стоит на месте. Школа та же. Класс тот же. Но люди — новые.

Время новых настало.

Марк

(теперь уже взрослый, но всё ещё помнящий, каково это — быть в классе «Л»)

Глава 1. Выпускной

Последний звонок прозвенел ровно в двенадцать.

Я стоял в коридоре, прижимаясь спиной к прохладной стене, и смотрел на то, как одноклассники обнимаются, плачут, смеются, дарят цветы учителям. Обычный выпускной. Такие бывают в каждом фильме про школу, в каждой книге, в каждом воспоминании. Только сейчас это было не кино. Это была наша жизнь, которая заканчивалась. И начиналась новая.

Алиса стояла рядом, её рука лежала в моей. Полтора года прошло с тех пор, как мы вышли из того подвала. Полтора года, как мы смотрели, как горит дом Кириллы. Полтора года, как Глеб ударил монтировкой. Полтора года, как Диана начала учиться жить заново.

— Ты чего застыл? — спросила Алиса, не глядя на меня.

— Вспоминаю, — ответил я.

— О чём?

— О том, как мы сюда пришли. Какими были. Какими стали.

Алиса повернула голову, посмотрела на меня. Улыбнулась.

— Ты стал меньше драться.

— Ты стала больше улыбаться.

— Мы выросли, Марк.

— Не говори так. Звучит как приговор.

Она засмеялась. И я засмеялся.

После линейки мы выбрались на школьный двор.

Кто-то уже уехал с родителями, кто-то остался, чтобы до ночи гулять по городу, прощаться, обещать писать, звонить, встречаться. Мы знали — не будут. Все разбегутся. Так всегда бывает.

— Ну что, — сказал Лев, хлопая меня по плечу. — Мы теперь взрослые?

— Мы теперь выпускники, — поправил Ян, поправляя очки.

— Опять ты со своей философией, — закатила глаза Милана.

— А ты опять не ценишь глубокие мысли, — парировал Ян.

Мы засмеялись. Ничего не изменилось. Только вот школа осталась позади.

Майя подошла ко мне, взяла под руку. Её парни — Денис и Артём — стояли рядом, улыбались. Они давно уже не были «ангелами-хранителями», просто друзьями. Но на выпускной пришли. Ради неё.

— Ну что, Марк, — сказала Майя. — Дождались?

— Чего?

— Выпускного. Я думала, некоторые из вас не доживут.

— Кто? Я?

— Ты, Глеб, Диана... — она посмотрела на меня серьёзно.

— Много кто.

— Но мы живы, — сказал я.

— Живы, — кивнула она. — И это главное.

Она отошла. Я смотрел ей вслед и думал о том, что она, наверное, была права. Многие из нас могли не дожить. Не доучиться. Не дорасти. А мы — дожили.

Глеб стоял чуть поодаль, разговаривал с Дианой.

Они не были вместе. Всё это время — не были. Она не могла. Он ждал. Я видел, как он смотрит на неё — так же, как тогда, в её квартире, когда сказал: «Я подожду. День. Месяц. Год». Прошло полтора года. Диана научилась улыбаться, научилась петь громко, научилась жить. Но не научилась любить.

— Ты их видишь? — спросила Алиса, подходя.

— Вижу, — ответил я.

— Как думаешь, будет что-то?

— Не знаю. Но Глеб не сдаётся.

— Он же сказал, что не ждёт ответа.

— Он сказал, что не ждёт. Это не значит, что он перестал надеяться.

Алиса посмотрела на меня. Потом на них. Потом снова на меня.

— Ты стал мудрым, Марк.

— Это школа, — усмехнулся я. — Делает мудрым.

— Или старым.

— И то, и другое.

Она взяла меня за руку.

Диана отошла от Глеба, подошла к нам.

В лёгком светлом платье, с распущенными волосами, она выглядела красивой. Не так, как в школе — испуганной, забитой. Спокойной. Свободной.

— Марк, — сказала она.

— Диана.

— Спасибо тебе.

— За что?

— За всё. За тот подвал. За то, что не бросил.

— Ты бы сделала то же самое.

— Знаю, — она улыбнулась. — Но ты сделал первым.

Она обняла меня. Я обнял её.

— Я рада, что ты жив, — сказала она.

— Я рад, что ты тоже.

Она отошла. Алиса посмотрела на меня.

— Ты плачешь?

— Нет, — сказал я. — Это пот.

— Марк, на улице плюс двадцать, и ты в футболке.

— Аллергия.

— На что?

— На выпускной.

Она не поверила. Но улыбнулась.

Вечером мы поехали в кафе.

То самое, где когда-то сидели после концертов, после побед, после поражений. «Пончик» на Арбате. Всё тот же запах

жареного теста, всё те же витражные окна. Мы заняли два больших столика. Лев пытался заказать алкоголь — его не пустили. Ян сказал, что это к лучшему. Лев сказал, что Ян зануда. Милана сказала, что они оба правы. София засмеялась.

— Как в старые добрые, — сказала Алиса, откусывая пончик.

— Да, — ответил я. — Только без турниров и покушений на убийство.

— И без Кирилла, — добавила она тише.

— И без Кирилла.

Я посмотрел на неё.

— Ты знаешь, он пришёл в себя, — сказала Алиса. — Врачи говорят, он осознаёт, что сделал. Но не раскаивается.

— Откуда ты знаешь?

— Глеб ездил. Навестить. Не прощать — убедиться, что он не выйдет.

— И что?

— Говорят, не выйдет. Ему там самое место.

Я кивнул.

— Слава богу, — сказал я.

— Слава богу, — повторила она.

Глеб подсел к нам позже, когда все уже начали расходиться.

— Ты как? — спросил я.

— Нормально, — ответил он.

— Диана?

— Что — Диана?

— Вы поговорили?

— Нет, — он покачал головой. — Она не хочет. Я не настаиваю.

— Глеб...

— Всё нормально, Марк, — он посмотрел на меня. — Я люблю её. Она знает. Я жду. Мне больше ничего не нужно.

— А если она никогда не полюбит?

— Значит, не полюбит. Но я хотя бы попробовал. Был рядом. Не бросил. Это уже что-то.

Я хотел сказать что-то ещё, но промолчал.

Алиса взяла меня за руку под столом.

— Не лезь, — прошептала она.

— Не лезу, — ответил я.

Майя подняла тост.

— За нас, — сказала она, держа в руке стакан с соком. — За то, что выжили. За то, что доучились. За то, что остались людьми. За то, что не разбежались. За то, что мы — класс «Л». Навсегда.

— Навсегда, — повторили мы хором.

Мы пили сок, ели пончики, смеялись, вспоминали. Кто-то плакал, кто-то обнимался, кто-то просто сидел и смотрел на всех.

После кафе мы вышли на улицу. Ночь была тёплой, звёздной.

— Ты куда? — спросила Алиса.

— Домой, — ответил я. — Устал.

— Я с тобой.

Мы сели в такси. Я смотрел в окно на огни Москвы и думал о том, что завтра начнётся новая жизнь. Без школы. Без уроков. Без звонков. Только мы. И будущее, которого мы так боялись.

— Марк, — сказала Алиса.

— М?

— Всё будет хорошо?

— Будет, — ответил я. — Не знаю, когда. Но будет.

Она положила голову мне на плечо.

Мы ехали домой. Выпускники. Взрослые. Живые.

На следующий день мы проснулись поздно.

Солнце било в окна, заставляя щуриться даже сквозь шторы. Я лежал на кровати, смотрел в потолок и слушал, как Глеб ворочается на соседней. Он не спал. Или уже проснулся. Или не ложился. Полгода назад мы бы промолчали. Но сейчас всё было по-другому.

— Ты чего? — спросил я.

— Не знаю, — ответил он. — Думаю.

— О чём?

— О Диане. О том, как она вчера смотрела. О том, что она сказала.

— Что она сказала?

— «Спасибо, что не бросил». Это всё.

— Много, — сказал я. — Для неё это много.

Глеб помолчал. Потом встал, подошёл к окну.

— Ты идёшь сегодня гулять? — спросил я.

— Все идут, — ответил Глеб. — Алиса уже звонила.

— Тогда иду.

Мы оделись, вышли на улицу. Солнце пекло, асфальт плавился, ворона сидела на заборе и смотрела на нас с укором.

— Она помнит, — сказал Глеб, кивая на ворону.

— Кто?

— Ворона. С нашего подоконника. Она тогда смотрела на тебя, когда ты лежал больной.

— Это была другая ворона.

— Вороны помнят лица, — сказал Глеб. — Я читал.

— Ты читаешь про ворон?

— Я читаю про всё.

Мы засмеялись. Я хлопнул его по плечу.

— Ты изменился, брат.

— Ты тоже.

— Мы оба изменились.

Мы пошли к метро.

Встретились в парке.

Там, где когда-то прятались от всего мира, строили планы, боялись будущего. Сейчас будущее настало, и мы не знали, что с ним делать.

Алиса пришла первая. В лёгком сарафане, с растрёпанными волосами, сонная, но улыбающаяся.

— Ты выпалась? — спросил я, обнимая её.

— Нет, — ответила она. — Звонила Диана. Ночью.

— Что случилось?

— Ничего. Просто не спала. Сказала, что думает о завтрашнем дне.

— О каком?

— О том, что будет. После школы.

— И что она думает?

— Бойтся, — Алиса посмотрела на меня. — Как и все мы.

Я хотел сказать, что бояться нечего. Но не сказал. Потому что это была бы ложь.

Подошли Ян и Лев.

Ян нёс книгу, Лев — гитару. Гитара старая, потрёпанная, с наклейкой «AC/DC» на корпусе. Он не брал её в руки почти год — после того альбома, «Тишина после». А сегодня взял.

— Ты будешь играть? — спросила Алиса.

— Не знаю, — ответил Лев. — Просто взял.

— Ты всегда так говоришь, — сказал Ян. — «Просто взял». А потом играешь до ночи.

— А ты всегда читаешь, — парировал Лев. — «Просто читаю». А потом не оторвать.

— Это разные вещи, — поправил Ян. — Книжки развивают мозг.

— А музыка — душу, — сказала София, подходя с Мираной.

Мы обернулись. София улыбалась, Милана держала её за руку. Они пришли вместе, как всегда.

— Ты сегодня какая-то светлая, — заметила Алиса.

— Выпускной, — ответила София. — Второй день подряд.

— Второй день подряд — это много, — сказал Лев. — Я вчера так устал, что спал до полудня.

— Мы все спали до полудня, — ответила Милана. — Кроме Майи.

— А что Майя?

— А Майя убирала квартиру. Сказала, что после выпускного нужно начинать новую жизнь с чистоты.

— Это похоже на неё, — сказал Ян.

— Это похоже на неё, — повторил я.

Майя пришла через полчаса. С ней были Денис и Артём. Они не выпускали её из виду, хотя она давно уже не нуждалась в охране. Просто привыкли. Просто друзья.

— Котята, — сказала она, обводя нас взглядом. — Выспались?

— Да, — ответили мы хором.

— А я нет, — она зевнула. — Всю ночь думала.

— О чём? — спросил я.

— О том, как быстро летит время. Ещё вчера вы были маленькими, боялись старшеклассников, прятались по углам. А сегодня — выпускники.

— Это было не вчера, — сказал Ян.

— Для меня — вчера, — ответила Майя. — Когда становишься старше, время ускоряется.

— Ты не старая, — сказал Денис.

— Я не жалуясь, — улыбнулась Майя. — Я просто констатирую факт.

Она села на скамейку, похлопала по сиденью рядом.

— Садись, Марк.

Я сел.

— Ты как? — спросила она.

— Нормально.

— Не ври.

— Немного боюсь, — признался я.

— Чего?

— Будущего. Не знаю, что будет. Куда поступать, где работать, как жить.

— Это нормально, — она положила руку мне на плечо.

— Бояться будущего — нормально. Главное, чтобы страх не управлял тобой.

— А если управляет?

— Тогда вспомни подвал, — она посмотрела на меня. —

Там было страшно. Но ты справился. Справишься и тут.

Я кивнул.

— Ты правда веришь?

— Правда, — ответила Майя. — Я всегда в тебя верила.

Даже когда ты был маленьким и дрался с теми, кто сильнее.

— Это была глупость.

— Это была смелость, — поправила она. — Не путай.

В полдень пришла Диана.

Она была одна. Без Глеба. Без Алисы. Без кого-то. В лёгкой тунике, с распущенными волосами, с лёгкой усталостью в глазах.

— Привет, — сказала она, садясь на траву.

— Привет, — ответили мы.

— Где Глеб? — спросила Алиса.

— Не знаю, — Диана пожала плечами. — Мы не вместе.

— Я не о том, — Алиса покачала головой. — Я о том, что он хотел прийти.

— Значит, придёт, — Диана посмотрела на неё. — Если захочет.

— Он всегда хочет.

— Алиса, — Диана вздохнула. — Оставь.

Алиса замолчала. Я взял её за руку.

— Не лезь, — прошептал я.

— Я не лезу, — ответила она. — Просто хочу, чтобы они...

— Знаю. Но не сейчас.

Алиса кивнула. Диана смотрела на нас, и в её глазах была благодарность.

Глеб пришёл через час.

Сел рядом с Дианой, но не близко. Не навязывался. Просто — рядом.

— Привет, — сказал он.

— Привет, — ответила она.

— Ты как?

— Нормально.

— Не ври.

— Не вру, — она посмотрела на него. — Правда. Сегодня нормально.

Он кивнул. Они замолчали. Но молчание было не тяжёлым. Оно было тёплым.

— Ты идёшь на выпускной вечер? — спросил Глеб.

— Да, — ответила Диана. — А ты?

— Тоже.

— Тогда увидимся.

— Увидимся.

Он улыбнулся. Она улыбнулась.

Я смотрел на них и думал о том, что, возможно, у них есть шанс. Не сейчас. Не сегодня. Но когда-нибудь.

День тянулся медленно, но не скучно.

Мы играли в бадминтон, ели мороженое, спорили о музыке, вспоминали школу. Лев играл на гитаре — старые песни, новые мелодии. Ян читал стихи — не свои, чужие, но подходящие к случаю. София и Милана танцевали под тихую музыку из телефона. Майя смотрела на них и улыбалась.

— Помнишь, как мы репетировали в подвале? — спросил Лев, откладывая гитару.

— Помню, — ответил я. — Темно, сыро, страшно.

— Но круто, — добавила Алиса. — Самое крутое время.

— Самое страшное, — поправил Ян. — Но мы справились.

— Мы всегда справлялись, — сказала Диана.

Все замолчали. Потому что это было правдой. Не всегда.

Но в главном — да.

Вечером мы поехали на набережную.

Москва горела огнями, вода отражала фонари, мосты сияли гирляндами. Мы шли по набережной, разбившись на пары. Я — с Алисой, Глеб — с Дианой (но не держась за руки, просто рядом), Ян — с Софией (она что-то рассказывала, он слушал, поправлял очки и кивал), Лев — с Миланой (они спорили о музыке, но без злости), Майя — с Денисом и Артёмом (втроём, как всегда).

— Красиво, — сказала Алиса, глядя на реку.

— Да, — ответил я.

— Жалко, что мы не будем здесь жить вечно.

— Никто не живёт вечно.

— Я не о том, — она покачала головой. — Я о том, что мы разбежимся. Кто-то уедет в другой город, кто-то в другую страну. Мы будем редко видеться. А потом — никогда.

— Не говори так, — сказал я.

— Правда?

— Нет, — я взял её за руку. — Неправда. Мы будем видеться. Я буду приезжать. Ты будешь приезжать. Мы будем созваниваться, писать, вспоминать. Мы не разбежимся.

— Ты не знаешь этого.

— Знаю, — сказал я. — Потому что мы — класс «Л».

Навсегда.

Она улыбнулась. Не поверила. Но улыбнулась.

Мы сидели на набережной до полуночи.

Кто-то ушёл раньше — устал, замёрз, захотел домой. Кто-то остался до конца. Я остался. Алиса осталась. Глеб остался. Диана осталась. Ян и Лев ушли — спорить о чём-то в метро. София и Милана ушли — купить мороженое и не вернулись. Майя ушла с Денисом и Артёмом — ей завтра на работу.

— Ты не устал? — спросила Алиса.

— Устал, — ответил я. — Но не хочу домой.

— Почему?

— Потому что это последний раз.

— Что последний?

— Мы все вместе. Все. В полном составе. Завтра кто-то уедет. Послезавтра — кто-то ещё. А потом — никого.

— Не говори так, — сказала она.

— Правда?

— Нет, — она взяла меня за руку. — Неправда.

Мы замолчали. Смотрели на реку.

Глеб и Диана сидели чуть поодаль, на парапете. Не разговаривали. Не смотрели друг на друга. Просто сидели рядом.

— Ты заметила? — спросил я.

— Что? — спросила Алиса.

— Они сидят ближе, чем обычно.

— Может, показалось.

— Может, нет.

Алиса посмотрела на них, потом на меня.

— Ты надеешься?

— Надеюсь, — признался я. — Глеб заслужил.

— Все заслужили, — сказала она. — Но не всем везёт.

Я кивнул. Мы замолчали.

В полночь мы поехали домой. Глеб — с нами. Диана — одна. Но перед тем как сесть в такси, она подошла к Глебу и сказала:

— Спасибо, что был рядом.

— Всегда, — ответил он.

Она кивнула и ушла.

Мы ехали домой. Глеб молчал. Я молчал. Алиса спала на моём плече.

— Ты видел? — спросил я.

— Что? — ответил Глеб.

— Как она на тебя смотрела.

— Видел.

— И что думаешь?

— Ничего не думаю, — он помолчал. — Просто жду.

— Ждать — это не значит ничего не делать.

— А что делать? — он посмотрел на меня. — Давить? Требовать? Угрожать? Я уже пробовал. Не работает. Только хуже.

— Я не о том.

— А о чём?

— О том, чтобы быть рядом. Даже когда она отталкивает. Даже когда молчит. Даже когда смотрит сквозь тебя.

Глеб помолчал.

— Я и так рядом, — сказал он. — Уже год. Буду и дальше. Сколько понадобится.

— Ты сильный, — сказал я.

— Нет, — он покачал головой. — Я просто люблю.

Мы замолчали.

Алиса спала. Я смотрел в окно на огни Москвы.

Завтра будет новый день. Не последний. Но один из.

Глава 2. Роковое событие

Дальше ничего интересного не было.

Честно. Я мог бы рассказать про экзамены, про поступление, про первые курсы университета. Мог бы. Но это была бы обычная жизнь. Без топоров, без подвалов, без монтажных. Скучно.

Поэтому я перенесу повествование на год вперёд. Туда, где произошло роковое событие. То, о котором я до сих пор вспоминаю с содроганием. То, которое изменило всё.

Ничего не предвещало беды. Как обычно. Но оно случилось.

И об этом я расскажу.

Год спустя.

Мы с Алисой снимали студию в новостройке на окраине Москвы. Район спальный, безликий, но дом был свежий, пахло краской и бетоном. Лифт не скрипел, окна не дули, батареи грели как положено. Студия была маленькой — одна комната, кухня-студия, крошечный санузел. Но вся наша. Первое общее жильё.

Глеб жил через дом. Мы виделись почти каждый день. Он всё ещё ждал Диану. Она всё ещё не отвечала. Но теперь хотя бы не избегала. Иногда заходила в гости, пила чай, разговаривала. Без намёков, без надежды. Просто — рядом. Глеб говорил, что и этого достаточно. Я не верил, но не лез.

Всё было нормально. До той ночи.

Всё случилось на вписке.

Мы не хотели туда идти. Устали, замёрзли, хотели просто лечь спать. Но Лев позвонил и сказал, что это «историческое событие», что «такое не повторяется», что «если мы не придём, он больше никогда с нами не заговорит». Мы пришли.

Вписки была у знакомых знакомых. Большая квартира в центре, много людей, громкая музыка, алкоголь рекой. Я пил. Алиса пила. Мы пили много. Слишком много.

Я помню обрывки: Алису на кухне, смеющуюся над чьей-то шуткой. Себя в коридоре, разговаривающего с незнакомым парнем о чём-то неважном. Поцелуй. Ещё поцелуй. Потом темнота.

Утром мы проснулись в незнакомой комнате, на чужой кровати, одетые. Никто ничего не помнил. Ничего. Даже не поняли, как добрались до этой квартиры.

— Ты в порядке? — спросил я, смотря на Алису.

— Не знаю, — ответила она. — Голова болит. И тошнит.

— Перебрали.

— Перебрали.

Мы собрали вещи и ушли. Никто нас не остановил. Никто не спросил, кто мы.

Я думал, что это была обычная пьянка. Обычная история для студентов. Мы же не дети уже. Взрослые люди. Имеем право.

Я ошибался.

На следующий день Алиса проснулась раньше меня.

Я слышал, как она встала, как прошлёпала босыми ногами в ванную, как закрыла дверь. Я не придал значения. Спал дальше. Потом слышал, как она вышла, как зашла обратно в комнату.

Она села на край кровати и долго молчала. Я чувствовал её взгляд даже сквозь сон.

— Марк, — сказала она.

— М? — промычал я.

— Мне нужно тебе кое-что сказать.

Я открыл глаза. Она сидела, сжимая в руках белую пластиковую полоску. Я не сразу понял, что это. Но почему-то сердце уже ухнуло в пятки.

— Что случилось? — спросил я.

— Я беременна, — сказала она.

Я сел на кровати. Не помню как. Просто — сидел. Смотрел на неё. Смотрел на тест. Смотрел на её живот — ещё плоский, ничего не выдающий.

— Что? — переспросил я.

— Я беременна, — повторила она. Голос ровный, спокойный. Но глаза — испуганные.

— Как?

— Ты знаешь как.

— Я не о том.

— Я знаю.

Я встал, сделал шаг, споткнулся о край ковра и рухнул

на пол. Не больно. Просто глупо. Сидел на полу, смотрел в стену, пытался дышать.

— Марк, — Алиса встала, подошла ко мне, протянула руку. — Вставай.

— Я в порядке, — ответил я, хотя был не в порядке.

— Ты на полу.

— Это моё любимое место.

Она засмеялась. Я засмеялся. Мы сидели на полу, смеялись, и это было похоже на истерику. Потому что ничего смешного не было.

Через час мы ехали в клинику.

Алиса настояла. Сказала, что нужно узнать точно. Тест — это одно, врачи — другое. Я согласился. Не спорил. Не мог спорить.

В клинике было чисто, светло, пахло лекарствами и чем-то стерильным. Алису увели на обследование, я остался в коридоре. Сидел на пластиковом стуле, смотрел на плакаты о здоровом образе жизни и думал о том, как мы дошли до жизни такой.

Врач вышел через полчаса. Позвал меня.

— Всё хорошо? — спросил я.

— Всё хорошо, — ответил он. — Ваша девушка здорова. Беременность протекает нормально. Срок — около трёх недель.

Я хотел спросить: «От кого?». Но зачем? Мы оба знали.

— От Марка, — сказала Алиса, выходя из кабинета. —

От кого же ещё.

Она посмотрела на меня.

— Мы не помним, — сказал я.

— Не помним, — согласилась она. — Но это не значит, что это мог быть кто-то другой.

Мы вышли из клиники. Сели в такси. Ехали молча.

Дома мы сели на диван.

Не включали телевизор. Не листали телефоны. Просто сидели и смотрели в стену.

— Мы справимся? — спросила Алиса.

— Справимся, — ответил я.

— Ты не знаешь этого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.